

Современница иного времени

Несколько лет назад писала о Лене Камбуровой. Назвала ее русской Эдит Пиаф. И сейчас думаю так же.

— Лена, откуда вы такая с вашими песнями? От мамы и папы? От деревни или реки, или из города и асфальта, или из каких-нибудь стихов?

— Ну это самый первый и самый сложный вопрос. Чем больше времени проходит, тем больше я понимаю, что не очень знаю себя — что я такое и откуда все. Может, придет момент прозрения и все поймется? Наверное, есть такое понятие: судьба. В школе, где я ни в са-модятельности, ни в чем таком не участвовала, внутренний го-лос: ты будешь актрисой. Я пи-сала какие-то дневники, и там среди всего этого: я буду актри-сой...

— Сейчас не смешно пере-читывать?

— Они пропали. Но я не-давно натолкнулась на свои по-левые дневники. Это когда я на-чала выступать на сцене, я по-няла, что вступаю в некое путе-шество и, как всякий путешественник, должна вести заметки. Настолько любопытно, что за существо писало это! Во-первых, видно, что я безумно уставала, потому что почерк та-кой, иногда несколько фраз на одной странице, не было сил даже написать четко... Так вот, откуда. Я уверена, что есть предначертание. К двадцати го-дам определились основные

ценности, пришло понимание поэзии. Я и сама в детстве пи-сала стихи, и, казалось, я пишу ге-ниальные стихи, и вокруг всем казалось, потому что мы не по-нимали, что существует Пуш-кин, хотя проходили в школе. Я думала: а что, я точно так же пишу...

— Теперь никогда не про-буете писать?

— Мне очень грустно, что не приходят ко мне строчки. Скорее какие-то музыкальные мысли... А сказать хотелось бы о многом. Я чувствую, есть вещи столь сокровенные, мои, кото-рые никто не выразил. Может, я плохо читаю? Иной раз хочется оставить все и до конца жизни просто читать и слушать музы-ку, ознакомиться по-настояще-му с тем, что до меня было...

— Но инстинкт пения все равно сильнее?

— О да, это страсть!.. При-том страсть у человека бывает в том, в чем он хорошо себя чув-ствует, а я ведь очень часто со-вершенно некомфортно себя чувствую в пении, может, отто-го страсть, что я вижу, что ре-зультат все еще не тот...

— Это я знаю. Потому что всегда после концерта, какой бы он ни был успешный, вы почти всегда недовольны...

— Это происходит оттого, что в основе любовь. Я настоль-ко начинаю любить эту песню, мне так хочется, чтобы она по-лучила то воплощение, которо-го заслуживает, что каждый раз,

10 сентября в Москве наконец-то открылся «Театр песни Елены Камбуровой»! Было много гостей. Пришли Елена Георгиевна Боннэр, Юлий Ким, Владимир Дашкевич, Андрей Макаревич, Юрий Рост и еще много-много людей. Было весело, легко и счастливо. Елена Камбурова давным-давно заслужила свой театр... Ведущая телепрограммы «Время Ч» Ольга Кучкина беседует с певицей Еленой Камбуровой

когда рисунок не тот, мне не-ловко перед ней же, потому что я считаю, что песня живое су-щество и вот как вот... ну как перед человеком.

— Тем не менее такое впе-чатление, что вы на сцене со-вершенно свободны и ничего не боитесь, а в жизни очень зас-тенчивы, так или нет?

— Вам повезло, вы не виде-ли моих первых выступлений. Я теперь понимаю, как я была скованна. Вот эти два жеста: руки вперед и в стороны... Руки больше, чем голосовые связки, показывают, в какой степени человек свободен. И такое сча-стье, когда теперь они такие по-слушные. Они мои вторые голо-совые связки, руки...

— А что касается жизни?

— В жизни еще сложнее. Многое идет из детства. Я хоро-шо помню детский сад, какие-то уже первые группировки: вот эти девочки дружат с этими, а вот они не берут тебя, и ты сто-ишь, значит, что-то в тебе есть такое, что недостойно обще-ния... Потом в школе я любила рисовать женские портреты, ко-

торые считала очень красивы-ми. Во-первых, мне казалось, что курносый нос — это безум-но красиво, и я даже сидела за партой и подпирала нос паль-цем, чтобы он стал курносым. И очень стеснялась цвета своих волос, потому что ни у кого та-кого цвета не было, они были с рыжиной, светлые, мне каза-лось, у меня все не то. И долгое время понадобилось, чтобы это преодолеть...

— Лена, вы сейчас одна, у вас никого нет, одиночество певца — это сознательная вещь или просто неудача?

— Вот судьба, так должно быть. Так жизнь устроена, вот это данность, что есть трава, есть деревья, а есть одиноче-ство. Это все есть наша дан-ность. И, может, она дается че-ловеку как шанс на то, чтобы он прожил какую-то еще другую жизнь. Вот как бы дверь, кото-рую он все боится открыть. Я имею в виду высокую духов-ность, то есть тот путь, которым прошла масса людей, живших на этой земле. Но нам очень трудно, нам кажется, что нас

это все не устроит, мы боимся. А может, как раз одиночество и будет мостиком... И мне хочется сказать многим людям: не бой-тесь, идите так, как начертано.

— Лена, а в той, прежней жизни бывали моменты жен-ского счастья?

— Безусловно.

— Но вы сейчас об этом говорите как о чем-то малоин-тересном для вас. Значит ли это, что нынешняя жизнь, вот когда вы открыли дверь, более наполненная, более счастли-вая?

— Вообще одна из самых важных для меня фраз в жизни: все относительно. И детская ра-дость от приобретения мячика может быть гораздо больше, чем взрослая радость от приобрете-

ния автомобиля. И вот какие-то моменты озарений, когда их иной раз сравниваешь с момен-тами так называемого личного счастья, то чувствуешь, что здесь и полет выше, и глубина чувства сильнее. Может, это только со мной так. Может, это жизнь так распорядилась, чтобы у меня именно так и было, не знаю.

— Я однажды слышала, как вас укоряли в том, что вы поете старые песни, а сейчас такое время, мол, что надо перестать участвовать в носталь-гии по прошлой жизни, а стро-ить новую жизнь, поэтому пора отказаться и от Окуджавы даже, и еще, и еще...

— От Окуджавы... Дело в том, что я никогда не жила вот вровень со временем. Я никогда не была современником, ни то-гда, ни сейчас, потому что как тогда многое меня не устраи-вало, так и сейчас. Это невозмож-но для меня, иначе я момен-тально стану другой, а я хочу жить в своем, вот в этом песен-ном времени, в котором пре-красно существуют песни XVI века, песни и пляски Мусоргс-кого, Шуберт, Моцарт... И Окуджава... Окуджава — моя любовь, я выхожу на сцену по-делиться своей радостью, своим восторгом, своей любовью вот с вами. Я знаю, что есть люди, которые мыслят точно так же, и я назначала им свидание, и мы вместе приходим к нему... То, что произошло, трудно подла-гается словам. Я просто знаю, что его земное время кончилось и началось другое, вечное его вре-мя.

● Ольга КУЧКИНА

Ровная газета - 1997, - 22-28 сентябрь - с. 4